

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР И КОНТАКТ ЦЕННОСТЕЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Фатима Караматовна Файзиева

преподаватель, Гулистанский государственный университет

АННОТАЦИЯ

В статье особое внимание уделяется изучению конфликта ценностей в условиях взаимодействия культур. Оценочный знак ценности может меняться в зависимости от того, какой взгляд фиксирует ценность: взгляд изнутри или взгляд извне. В преподавании русского языка как иностранного необходимо учитывать коннотативную семантику лексики.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, культурные ценности, конфликт ценностей, контакт культур.

ABSTRACT

In the article the special attention is paid to the research of values conflict in Russian language teaching. The estimated sign of evaluation can be changed depending on the point of view that the value fixes: the view from the inside or the view from the outside. The structure of views about the same event can not correspond in different cultural communities. Even having similar experience people of different cultures can differently perceive and evaluate the same facts that confirms the thesis about the existence of fundamental culture codes which manage its language and perception schemes. This work is deeply connected with such topical questions as formation of associative potential of words, national and cultural specificity of connotations, the means of its lexicographical representation, decoding of speaker's value system.

Keywords: Russian as a foreign language, cultural values, values conflict, culture contact.

ВВЕДЕНИЕ

Человек, живущий в контексте культуры, не может существовать вне системы оценок, ценностей, ценностных установок и ориентиров. Именно в континууме идей и оценок, ценностей и норм отображается в языке и культуре коллективная личность.

Ценностный аспект в межкультурной коммуникации связан с идеей относительности. Раскрывая суть теории

лингвистической относительности, Бенжамен Ли Уорф писал: «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. <...> Мир предстаёт перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [9, 174]. Язык призывает нас что-то замечать, фиксировать в сознании в виде отдельного слова, а что-то не замечать, игнорировать как менее важное и ценное, выстраивая таким образом определённую иерархию явлений по степени их важности и ценности. В связи с этим образ единого мира, одного для всех живущих на земле, должен иметь различия в разных языковых отражениях.

ЛИТЕРАТУРА И МЕТОДОЛОГИЯ

Диалог культур может выступать как примиряющий фактор, предупреждающий возникновение войн и конфликтов. Он может снимать напряженность, создавать обстановку доверия и взаимного уважения. Понятие диалога особенно актуально для современной культуры. Рубеж XX и XXI веков – это период глобальных инноваций и проектов во всех сферах жизни человеческого общества, в том числе и в культуре.

Проблемами диалога занимались древнегреческие философы – софисты, Сократ, Платон, Аристотель, философы эпохи эллинизма. Диалоговое пространство было ими создано на основе духовной культуры, основанное на признании плюрализма мнений, равноправия точек зрения, признании общечеловеческих принципов, свободы и ценности личности и общества в целом. В средние века диалог использовался преимущественно в нравственных целях.

Хотя диалог, как форма межчеловеческого общения существует с очень дальних времен, но по-настоящему проблемами диалогических отношений занялись немецкие философы И. Кант, И. Фихте, Ф. Шеллинг около 200 лет назад, когда они занимались проблемами субъекта и его познающих возможностей, субъективных и межсубъективных отношений. Далее, развивая идеи Фихте об инаковости и взаимообусловленности «я» и «другого» Л. Фейербах дает начало исследованию диалога начала XX века.

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Язык способен аккумулировать опыт и передавать культурные ценности от одного поколения к другому, что находит отражение в языковой картине мира –

зафиксированной в языке (в лексике и грамматике) специфичной для данного языкового коллектива особой схеме восприятия действительности, в которой выражаемые значения складываются в единую систему взглядов – своего рода коллективную философию. «Человек, как носитель культуры, не может воспринимать мир абсолютно объективно, поэтому язык, являясь инструментом оценивания», обладает возможностью фиксировать не только объективную картину мира, но и запечатлеть субъективное видение мира человеком [2,71]. Например, такие русские слова, как *доносчик*, *ябеда*, *фискал*, *стукач* и др., не только сообщают о том, что именно делают люди, получившие такую номинацию в языке, но и указывают на то, что данные действия оцениваются обществом отрицательно: «нехорошо передавать негативную информацию о ком-либо третьим лицам». Такая оценка далеко не универсальна.

Известно, что в некоторых культурах стран Западной Европы передавать информацию о каких-либо нарушениях в полицию и другие органы правопорядка считается правильным, полезным для общества, и оценивается положительно. В русской культуре исторически сложилось отрицательное отношение к доносите́льству, что и нашло отражение в лексической семантике слов этого ряда. Выявлению различий, которые связаны с существованием специфических для каждой культуры способов кодирования культурных феноменов, способствует межкультурное общение.

Приведём некоторые из «заповедей» русской наивно-языковой этики:

«нехорошо преследовать узкокорыстные интересы» (*домогаться, льстить, сулить*); «нехорошо вторгаться в частную жизнь других людей» (*подслушивать, подсматривать, любопытствовать*); «нехорошо унижать достоинство других людей» (*помыкать, насмехаться, глумиться*); «нехорошо забывать о своих чести и достоинстве» (*унижаться, пресмыкаться, угодничать*) [1,351].

Исходя из этих правил, можем декодировать ряд русских культурных ценностей. Некоторые из них (внутренний мир, человеческое достоинство, доброта, уважение к людям) представляются общими, в частности, с западноевропейской культурой, где так высоко ценится личное пространство (*privacy*). Важно выяснить ранжирование ценностей в разных культурах, степень их внутренней значимости, содержание в них специфического национально-культурного компонента, что особенно ярко проявляются при контакте культур.

Оценочный знак ценности может меняться в зависимости от того, какой взгляд фиксирует ценность: взгляд изнутри или взгляд извне. Рассмотрим несколько примеров. Преподавание русского языка как иностранного показывает, что студентами-иностранцами нередко отрицательно оцениваются герои некоторых русских народных сказок, например, Иванушка-дурачок, Емеля и другие персонажи, воспринимаемые русскими как положительные. Причина несовпадения оценок состоит в том, что в характере одних и тех же героев представители разных культур выделяют различные доминантные черты. Русские ценности *терпение, смирение, кротость, скромность* и др. нередко остаются вне поля зрения представителей западного типа ментальности, однако в славянском мире эти качества являются положительными (ср. восприятие фильма «Морозко» в разных странах).

В рамках русской культуры *русская прямота* и *откровенность* ценятся очень высоко. В толковых словарях *прямой* толкуется как ‘правдивый, откровенный, нелицемерный’ [СОШ]. Однако с позиций иной культуры эти качества далеко не всегда привлекательны. Основными задачами при описании значения слова считаем выявление дифференциальных семантических признаков, что обеспечивает диагностическую различительную силу толкований, и описание ассоциативных комплексов и коннотаций, актуализирующих «смысловые прибавки» к значению слова.

Национально-специфический культурный компонент в семантике слова особенно ярко обнаруживает себя именно при анализе ассоциативного ореола слов. Так, например, образ *болота* для русского человека связан с гниением, неприятным запахом, нечистой силой, застоем, косностью, что подтверждают примеры из Национального корпуса русского языка [НКРЯ]: ... *одна книжная мудрость, что смрадное болото; оно испаряется теориями и умозрениями, методами и системами, заражающими жизнь нравственным недугом – скукою; там ум как стоячая вода; из этого болота почерпается только мёртвая вода...* (И.А. Гончаров, Хорошо или дурно жить на свете, 1841); *Ведь я увёл науку в болото талмудической абстракции, оторвал её от практики* (Василий Гроссман, Жизнь и судьба, 1960); *Вон, какие люди были, а как скатились в болото оппозиции, как пошли не той дорожкой, то вон к чему и пришли!* (Ю.О. Домбровский, Факультет ненужных вещей, 1978); *Слово за слово – и всё, видимость спокойствия исчезает, и социальный базис, который хоть как-то скрепляет людей, превращается в бесформенную жижу – болото, в котором каждый тонет – или выплывает – как может* (Евгений Гусятинский, С кем

ты хочешь быть, 2011).

В Словаре В.И. Даля этот ассоциативный комплекс отражён лишь частично: *болото* – ‘не просыхающая грязь от родников или от натёка по рыхлой почве’: *В тихом болоте (омуте) черти водятся. Не ходи при болоте: чёрт уши обколотит* [3].

Словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой даёт толкование этого слова с учётом национально-культурного компонента: 1. Избыточно увлажнённый участок земли со стоячей водой и зыбкой поверхностью, заросший влаголюбивыми растениями. *Завязнуть в болоте*. 2. *Перен.* Общественная среда, находящаяся в состоянии застоя, косности. *Болото обывательщины*. 3. *Ед.* В старых народных представлениях: топь, трясина как место обитания нечистой силы. *Было бы болото, а черти найдутся* (посл.). *Иди ты в болото!* (грубое требование уйти). *Ну тебя в болото!* (прост) – выражение пренебрежения, нежелания видеть, считаться, иметь дело с кем-н. *Черти болотные* [СОШ].

Как видим, и данные словарей, и литературные примеры выявляют в русском слове *болото* исключительно негативные коннотации. Вместе с тем известно, что финский учёный Л. Хакулинен сравнивал финский язык с *болотом*, в котором, подобно попавшим в болото сучьям деревьев, веками сохраняются древние заимствования, т.е. болото для финнов не место тления и гниения, а своего рода хранилище, «хорошее» место, с которым можно сравнивать родной язык [6,128].

Таким образом, анализ этнокультурной семантики можно продолжить на примере зоонимов. Прямые значения русских слов *осёл* и *ишак* практически не различаются, но ассоциативный потенциал у них разный: если человека называют *ослом*, значит, считают, что он упрямый или глупый, но если человека называют *ишаком*, то предполагается, что он слишком много работает, причём труд этот подневольный. Такого рода дополнительная информация должна найти отражение в словарных толкованиях, поскольку она выводит на выявление национально-культурного компонента в значении языковых единиц. Словарные толкования названий животных нередко содержат научную информацию, не востребованную рядовым носителем языка и не способную дифференцировать в должной степени те или иные понятия. Сравним, например, словарные определения названий животных *лиса* и *волк*:

Лиса (лисица) – в первом значении ‘хищное млекопитающее семейства псовых с длинным пушистым хвостом, а также мех его’ [СОШ].

Волк – ‘хищное животное семейства псовых’ (здесь уже не говорится, что это млекопитающее) [СОШ].

Основываясь на этих дефинициях, мы можем ошибочно полагать, что волк отличается от лисы только отсутствием длинного пушистого хвоста. Однако наш опыт подсказывает нам, что это не так.

В русском языковом сознании *волк* обычно предстаёт как существо опасное, агрессивное, вечно голодное: *волчий оскал, волком смотреть, волком выть, волчий аппетит; злой как волк, голодный как волк; Волков бояться – в лес не ходить; С волками жить – по-волчьи выть* и т.п. Однако комплекс отрицательных характеристик не помешал волку стать официальным символом чемпионата мира по футболу 2018 года. В языке и культуре нет ничего однозначного. Волк в русской культуре воспринимается, кроме всего прочего, как свободолюбивое существо (*Как волка ни корми, а он всё равно в лес смотрит*), как животное, быстро передвигающееся (*Волка ноги кормят*), обладающее опытом и жизненной мудростью (*Старый морской волк*) и др. Возвращаясь к сравнению волка и лисы, заметим, что говорящие по-русски рядовые носители языка знают о *лисе* больше, чем представлено в словарях (‘хищное животное семейства псовых’). В речи актуализируются такие её признаки, как особенности внешнего облика (острая мордочка, нос своеобразной формы, цвет меха), ум, лукавство, хитрость: *лисья мордочка, лисье личико, лисий нос; лисий ум, лисья хитрость* и т.д.

ВЫВОДЫ

Коннотативная семантика – это целый комплекс «надстраивающихся» над лексической семантикой прагматических, символических, культурных, энциклопедических и других «созначений», актуализирующихся в особых, вторичных, поэтических, метафорических и других «непрямых» употреблении слов [8,289]. Исходя из этого, считаем, что лексикографическая интерпретация языкового образа мира в идеале должна также иметь национально-культурный отпечаток. Но зачастую феномены действительности получают в толковых словарях разных языков одну и ту же трактовку, поскольку традиционные толковые словари, как правило, ориентируются не на языковую картину мира, а на научную.

Как показывает практика, учёт «своего» и «чужого» в национально-культурной семантике – важный момент оптимизации обучения русскому языку как иностранному, на что неоднократно обращали внимание методисты [4, 69].

Представители разных культурно-языковых сообществ не всегда осознают несовпадение в структуре восприятия одних и тех же феноменов культуры, но различия в оценке заметны сразу и могут явиться источником коммуникативных неудач и межкультурных конфликтов. Именно поэтому несовпадение ценностных установок представителей разных языков и культур необходимо учитывать в процессе преподавания русского языка как иностранного [3].

Выявление этнокультурной специфики в способе познания мира разными народами помогает ответить на вопрос, каким образом человек смотрит на мир, как опознаёт его объекты и включает их в светлую зону сознания, подвергая их категоризации.

REFERENCES

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды в 2-х тт. Т.1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Языки русской культуры, 1995. 472 с.
2. Богданова Л.И. Культурные ценности: код культуры // Русский язык и культура в зеркале перевода. 2017. №1. С.70–78.
3. Гизатулина Ольга Ивановна. Формирование мотивации к изучению русского языка студентами Вузов // Academic research in educational sciences. 2022. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-motivatsii-k-izucheniyu-russkogo-yazyka-studentami-vuzov> (дата обращения: 11.06.2022).
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. М.: Русский язык, 1999. Т. 1. 699 с.
5. Методика включённого обучения русскому языку как иностранному: коллективная монография / отв. ред. Йоханна Виймаранта, Л.Г. Громова. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018. 395 с.
6. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> Дата обращения: 09.06.2022.
7. Сабитова З.К. Лингвокультурология. М.: Флинта: Наука, 2015. 528 с.
8. СОШ – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944с.
9. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 510с.
10. Уорф Б.Л. Наука и языкознание // Новое в лингвистике. Вып. I. М.: Изд. Иностранной литературы, 1960. С.169–182.
9. Tolstoy N. I. Language and folk culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics. M.: Indrik, 1995. 510s.
10. Wharf B.L. Science and linguistics // New in Linguistics. Issue I. M.: Ed. Foreign Literature, 1960. pp.169–182.